

Вера Николаевна Даренская

Луганский государственный педагогический университет, кандидат философских наук,
доцент кафедры социальной работы, Луганск, Россия
e-mail: vera_darenskaya@mail.ru

Христианизация русской традиционной культуры

Аннотация. В статье рассмотрены основные аспекты христианизации сознания и социальной жизни в русской традиционной культуре. Показано, что классики русской литературы выполняли роль строителей национального самосознания, выражая те черты народной жизни (социальной практики), которые наукой начали изучаться только в наше время, а ранее оставались скрытыми от исследователей. Можно сделать вывод о высокой степени христианизации жизни русского народа в рамках его традиционной культуры. Эта жизнь была в первую очередь аскезой, направленной на спасение души и воспитание новых поколений в рамках христианской нравственности. В этом отношении русская традиционная культура достигла больших высот и вызывала удивление у других христианских народов. Она стала одной из основ российской государственности.

Ключевые слова: христианизация, социальная практика, русская традиционная культура, классика.

Vera N. Darenskaya

Lugansk State Pedagogical University, Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department of Social Work, Lugansk, Russia
e-mail: vera_darenskaya@mail.ru

Christianization of Russian Traditional Culture

Abstract. The article deals with the main aspects of the Christianization of consciousness and social life in Russian traditional culture. It is shown that the classics of Russian literature played the role of builders of national self-consciousness, expressing those features of folk life (social practice) that science began to study only in our time, and previously remained hidden from researchers. It can be concluded that the life of the Russian people is highly Christianized within the framework of its traditional culture. This life was, first of all, an asceticism aimed at saving the soul and educating new generations within the framework of Christian morality. In this regard, Russian traditional culture reached great heights and aroused surprise among other Christian peoples. It has become one of the foundations of Russian statehood.

Keywords: Christianization, social practice, Russian traditional culture, classics.

Введение (Introduction)

А. С. Пушкин писал о православии как об основе русско-го национального характера: «...Греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер» [1, с. 91]. Христианизация русской традиционной культуры была одним из важных факторов русской истории на протяжении тысячи лет — от Крещения Руси до 1917 г. В наше время элементы традиционной христианской культуры стали главным фактором, от которого зависит возрождение и выживание России в современном мире. Без учета этого фактора невозможно понять, как из маленького Московского княжества XIV в. уже в XVII в. возникло огромное континентальное государство. Это было бы невозможно без особых черт национального характера — именно православное воспитание народа давало ему нравственную силу для великих исторических

свершений и подвигов. Анализ этого аспекта русской истории и культуры был начат в историософии Серебряного века и по-прежнему очень важен для понимания как прошлого, так и общих оснований русской культуры.

Методы (Methods)

Мировоззренческий анализ русской традиционной культуры в первую очередь производится двумя методами: герменевтическим (анализ текстов и других культурных феноменов) и феноменологическим (реконструкция образа мира и мышления), которые лежат в основе данной ментальной культуры.

Литературный обзор (Literature Review)

В русской культурологии особое значение для данной темы имеют новейшие работы М. М. Громыко (1927–2020),

в частности книги «Мир русской деревни» (1991), «Обращение к старцам в духовной жизни русских XX века (Период гонений на веру и Церковь)» (2015). Итогом этой работы стала книга энциклопедического масштаба М. М. Громыко и А. В. Буганова «О воззрениях русского народа» (2000) [2], в которой было показано воплощение религиозного мировоззрения народа в самом образе жизни. Ранее пример энциклопедического исследования народного мировоззрения, однако почти без учета его церковной составляющей, дал известный писатель В. И. Белов в книге «Лад. Очерки народной эстетики» (1981). Как уже отмечено, первыми начали исследовать эту тему ученые и философы Серебряного века. В частности, Н. О. Лосский в своей книге «Характер русского народа» (1957) на основании анализа большого количества исторических источников делал вывод: «Основная, наиболее глубокая черта характера русского народа есть его религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра...» [3, с. 9]

Целью данной статьи является анализ христианизации народного сознания и социальной практики в русской традиционной культуре на материале публицистического наследия классиков русской литературы и философии, которое представляет большую ценность для данной темы, поскольку писатели-классики выражали глубинное народное сознание.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

А. С. Пушкин записал свой разговор с англичанином о русских крестьянах, в котором услышал от него совершенно непривычные для себя суждения (пушкинисты выяснили, что звали этого человека Кольвилем Фрэнкленом (Calvil Frankland), который жил в России в 1830–1831 гг.). Они очень важны для нашей темы как суждения «со стороны», из уст представителя самой передовой в то время страны Европы, который сравнивал русских крестьян с английскими простолюдинами (в самой Англии крестьян давно уже не было после эпохи «огораживаний» в XVI в. — остались только сельские батраки). Общий вывод англичанина, очень удививший А. С. Пушкина, состоял в том, что русские крестьяне живут лучше и свободнее английских сельских простолюдинов, не говоря уже о городских рабочих в Англии. Англичанин подвел итог своим наблюдениям простым указанием на сам внешний вид русского крестьянина, который настолько удивил англичанина, что он дал ему такую оценку: «Взгляните на него: что может быть свободнее его обращения! Есть ли и тень рабского унижения в его поступи и речи?» [4, с. 444] Чем объясняется всё то, что отметил англичанин в России?

В допетровскую эпоху крестьяне и дворяне были одинаково хорошо защищены законом, поэтому насилие в отношении крестьян жестко каралось. Например, в 1669 г. князя Тимофея Оболенского отправили в тюрьму за то, что он заставлял крестьян работать в воскресенье. Петр I ввел более жесткие европейские крепостные порядки, однако и после этого крестьяне имели вполне реальную правовую защиту. Так, например, княгиню Надежду Трубецкую за издевательства над крепостными в 1853 г. сослали в Сибирь. С 1834 по 1845 г. царское правительство при-

влекло к суду почти 3000 дворян и осудило 630 из них [5]. В школьные учебники с советского времени вошло упоминание «Салтычихи» — дворянки Дарьи Салтыковой, которая отличалась садизмом по отношению к своим крепостным. Этот единичный пример психически больной женщины был почти исключением среди дворян, поскольку обычно между помещиками и крестьянами были отношения взаимной любви и привязанности до такой степени, что отмена крепостного права в 1861 г. для многих крестьян стала личной трагедией, они чувствовали себя брошенными. Об этом есть множество свидетельств в мемуарной и этнографической литературе того времени, а также этот факт отразился в известной строке Н. А. Некрасова: «Порвалась цепь великая, / Порвалась — раскочилась: / Одним концом по барину, / Другим по мужику!..» [6, с. 83] Однако для того чтобы выдать редкое исключение за якобы «правило», в учебниках обычно совсем не упоминается о том, что решением Сената и императрицы Екатерины Второй в 1768 г. Дарья Салтыкова была лишена достоинства столбовой дворянки и приговорена к смертной казни, но позже мера наказания была изменена на пожизненное заключение в монастырской тюрьме, где осужденная и умерла.

Одним из весьма показательных мемуарных свидетельств отношений между крестьянами и помещиками и вообще о крестьянском мировоззрении и оценке крестьянами своей жизни стали воспоминания известного писателя XIX в. П. Д. Боборыкина. «“Мужик”, — писал он, — совсем не представлялся нам как забитое, жалкое существо, ниже и несчастнее которого нет ничего. Напротив! Все рассказы дворовых — и прямо деревенских, и родившихся в дворне — вертелись всегда на том, как *привольно* живет крестьянам, какие они бывают богатые и сколько разных приятностей и забав доставляет деревенская жизнь. *Мужицкой нищеты мы не видали*» [7, с. 53]. Кроме того, здесь П. Д. Боборыкин пишет также и о том, что во многом он — дворянин — сам был воспитан своими крестьянами: «...Кроме старших из своего сословия и круга, учителей и гувернеров, развивали нас и *дворовые*. Это вовсе не парадокс и не выдумка. ...Я говорю о дворовых, моих друзьях, от которых я многому научился, и вовсе не в дурном смысле» [7, с. 52].

Особую ценность для понимания сознания и социальной практики народа имеют историософские труды архимандрита Константина (Зайцева) (1886–1975). Он писал: «“Симфония”, которая Царя и Церковь сливала в гармоническое единство, распространялась на всё народно-государственное бытие, делая, тем самым, всю совокупность повинностей обязанностей, охватывавших население, системой послушаний, поддающихся пониманию в своей истинной сущности в свете только одного сопоставления: с монастырем!» [8, с. 305] Этот автор, опираясь на исторические свидетельства современников, показывает глубокую воцерковленность народного быта в эпоху Московской Руси. Он фактически пишет о том, что образцом жизни для народа был монастырь, а мирская жизнь отличалась от монастырской только меньшей степенью аскетичности, но была построена на тех же самых принципах стремления к праведности, послушания и нестяжательства: «Святая Русь!

Случайно разве то, что вся она от царских палат до крестьянской избы была подобием монастыря!.. Можно быть уверенным, что если бы мы обладали документацией, столь же обстоятельно раскрывающей нам жизнь простых людей тех же веков, сводка их дала бы нам подобную же картину жизни, устремленную духовным взором к идеалу монастырского устава» [8, с. 84].

Другой известный писатель и церковный ученый XX в., ныне уже прославленный в лике святых, Серафим (Соболев) в труде «Русская идеология» на основе свидетельства «внешних наблюдателей» дает такую характеристику воцерковленности жизни народа Московской Руси: «Иностранцы поражались церковностью святой Руси и особенно ее... благочестием. Внешний вид русского города и селения показывал, что религия — господствующая сила в стране. Иностранцы видели в городах множество богатых церквей и монастырей. Палаты князей и богатых людей украшались внутри на церковный лад. ...На всех улицах стояли часовни, иконы в окладах, с зажженными свечами. Прохожие крестились перед каждою церковью и часовней, иные клали земные поклоны. <...> Многие посещали церковь каждый день. <...> Царь Алексей Михайлович в Великий пост выстаивал службу церковную по четыре часа, полагал по 1500 поклонов и этим удивлял иностранцев. <...> Каждый русский православный человек еженедельно вычитывал или выслушивал... Псалтирь, весьма многие из них клали ежедневно до 1200 поклонов с молитвою Иисусовой. Молитву Господню, Богородицу и Символ Веры читали по несколько раз в день. Кроме того, они читали молитвы во всякое время за делом, чтобы не развлекаться суетными делами и помыслами. <...> Русские люди... отличались особенно строгим воздержанием во дни Великого поста...» [9, с. 16–19]

Один из иностранцев, чьи труды не были известны святителю Серафиму (Соболеву), иезуит Альберт Пигий в своем трактате «Новая Московия» (1523) в главе «О нравах и религии московитов» писал так: «...Они живут согласно Евангелию Христову лучше, чем мы. Ибо среди них великим и гнусным преступлением считается лгать и обманывать друг друга. О прелюбодеянии, разврате, распутстве слышно у них редко. Противовещественные пороки не известны вовсе. Ложные клятвы и богохульства для них неслыханное дело, но к Богу и святым они питают столько почтения, что перед знаком распятия, где бы им не довелось его встретить, они благоговейно падают наземь. <...> ...Я частенько слышал, как родитель мой и многие другие почтенные люди, жившие бок о бок с московитами довольно долго, немало превозносили их праведность по сравнению с нашей» [10, с. 140].

Вместе с тем начиная с XIX в. среди интеллигенции в России распространился миф о том, что православная вера народа является «темной», бессознательной и основана на непонимании того, во что они верят. В действительности этот миф в первую очередь свидетельствовал о невежестве и «темноте» самой интеллигенции, которая совершенно не знала народа, среди которого она живет. Однако в тех случаях, когда им его удавалось узнать, приходилось делать совсем иные выводы. Например, декабрист А. П. Беляев (1803–1887), во время своей сибирской ссылки

ки впервые хорошо узнавший и изучивший простой народ, написал в своих воспоминаниях: «Православие глубоко проникло во весь наш народный организм... <...> Наши реформаторы обыкновенно говорят, что русский крестьянин, как дикий, поклоняется иконам, как идолам, что ставят в упрек ему и даже православию. Но наши мыслители-реформаторы, не имеющие понятия о своей Церкви и своем народе, основывают свои мнения всегда на каком-нибудь непременно извращенном факте. Сколько я видел... и убедился, что народ наш поклоняется иконе не как доске или холсту, вмещающему в себя силу, а поклоняется изображенным на них Спасителю, Богородице и тем прославленным Самим Богом святым, в которых Он обитал при жизни их во времени, как обитает в вечности» [11, с. 123]. Уже упомянутая современная исследовательница М. М. Громыко также подтверждает этот вывод на основе анализа многочисленных и разнообразных источников: «...При выявлении степени проникновения всей полноты религии в массовое сознание и в образ поведения данного народа обнаруживается глубокое единство церковной и народной православной жизни» [12, с. 23].

В этом контексте требует пересмотра и смысл понятия «народное православие», которое многие исследователи до сих пор продолжают неверно трактовать как якобы «обрядоверие», не имеющее серьезного внутреннего содержания. На самом же деле, исполнение обряда в быту является тяжелым трудом, который возможен только на основе глубокой сердечной веры, и никак иначе. Это не что иное, как «бытовое исповедничество», т. е. глубокое проникновение православия в жизнь народа. Архимандрит Константин (Зайцев) писал о том, что Россия «жила в полном согласии с заветами Церкви, не словом только, не отдельными делами отдельных людей, а всей жизнедеятельностью, всем существом, всеми отправлениями народного и государственного организма — будь то домашний обиход, будь то воинское дело, будь то государственная служба или земская работа. И так — применительно ко всем, будь то царь или просто селянин» [8, с. 401]. Каковы были исторические предпосылки столь глубокой христианизации национального характера у русских? Многие русские исследователи указывали на тот факт, что сам русский народный характер — это то, что было сформировано за тысячу лет православной верой как главным фактором нравственного воспитания народа. Кроме того, имел значение и более ранний славянский характер. Отец Павел Флоренский писал, что «русский народ... проникся некоторыми сторонами нравственного христианского идеала, точнее сказать, на которые наталкивались в народах культурно окрепших и по характеру более жестких. Черты христианского идеала действительно слились тут отчасти с природной организацией» [13, с. 546].

Вхождение веры в быт выражалось не только в общем строе жизни, но и в языковой практике, непосредственно формировавшей сознание людей. Поэтому «одним из основных действий в народной религиозности было постоянное обращение к святому миру за получением благословения буквально на всё, что делал или собирался делать человек. Полученное свыше благословение освящало и самого человека и все его деяния. Выходя утром из дома,

говорили: “Господи, Иисусе Христе, помилуй меня, Господи!”» [14, с. 326]. В ту эпоху, когда большинство народа еще не умело читать, Слово Божие воспринималось в первую очередь устно — во время богослужений в храме, а также в благочестивых разговорах со священником и грамотными людьми, которые читали Библию и церковную литературу. Однако, кроме этого, существовал также и устный православный фольклор в виде разных пересказов Священного Писания и духовных стихов. Исследователи XIX–XX вв. обнаружили и записали огромное количество фольклорных религиозных текстов, бытовавших в народе и фактически создававших религиозную культуру народа.

Архимандрит Константин (Зайцев) сформулировал главный принцип социальной и государственной жизни русского народа, который также формировал его характер на протяжении многих веков. Суть этого принципа состоит в общем для всех служении Богу и благу государства, т. е. в выполнении своего нравственно-религиозного долга: «Все, и властвующие, и подвластные, разнятся лишь формами зависимости — будь то “служба” властвующих, или “тягло” подвластных. <...> ...Московская Русь вынуждена была сплавиться в монолит обязательной службы...» [8, с. 172–173]

Современный исследователь А. Л. Юрганов хорошо разъяснил смысл основных политических понятий того времени: «Каждый православный человек — раб Божий и холоп государев; но в отношении к самому себе он — владыка, господин. Иначе говоря, человек — “владыка себе”, потому что он — раб Божий, Его творение. <...> В слове “холоп” для русского средневекового человека не было ничего оскорбительного. В нём звучала даже благочестивая нота: все мы рабы Божьи, а значит, и холопы государя, власть которого от Бога! В том не было унижения достоинства...» [15, с. 216] Очевидно, что политические понятия традиционной России были производны от понятий религиозных, и поэтому главным было в них понимание человека как «раба Божьего» — в *позитивном* смысле: как человека, трудящегося для Бога и творящего благо. Это означает высшее развитие христианской свободы как преодоления собственного эгоизма. Западные путешественники удивлялись особому почитанию царя русскими людьми и усматривали в этом «рабство». Такая оценка говорит о том, что у западных людей к этому времени политические понятия уже были не христианскими, и их место занял неоязыческий эгоизм, который они наивно и считали «свободой». Тем самым здесь мы видим более высокое нравственное развитие русского народа, по сравнению уже с жившими в то время европейцами, как следствие более глубокой христианизации русского национального характера.

Только благодаря особым нравственным качествам русского народа, воспитанным православием, Россия смогла создать многонациональное государство-цивилизацию — Русский мир. Об этих качествах писали иностранцы, которые могли судить объективно, часто даже не в свою пользу, сравнивая их с качествами своих собственных народов. Например, лорд Дж. Керзон, вице-король Индии, сравнивая русских с европейцами, в свое время писал: «Русский братается в полном смысле слова... Он не склоняется от

социального и семейного общения с чуждыми расами, <...> к чему англичане никогда не были способны» (цит. по: [16, с. 15]). Такая особенность национального характера русского народа обусловлена как объективными, «земными», так и духовными причинами. Объективные причины хорошо известны — это изначально многонациональный характер русского государства. Но не менее, а возможно, еще более важна и духовная причина — это христианское воспитание народа именно в православии, а не в протестантизме. Православие воспитывало не чувство превосходства, а чувство смирения. Затем это религиозное воспитание очень четко отразилось и в национальном характере. Так, Н. А. Бердяев справедливо отмечал, что «Россия — самая не шовинистическая страна в мире. Национализм у нас всегда производит впечатление чего-то нерусского, наносного, какой-то неметчины. <...> Русский не выдвигается, на выставляется, не презирает других» [17, с. 8].

Социально-экономической основой внутренней свободы развития и распространения русского народа на огромных территориях был общинный образ жизни. Известный этнограф XIX в. С. В. Максимов высказал об этом очень радикальную, но вполне объективную мысль: «Русский народ — особый народ. И живет он таким строем жизни, который общего не имеет с Западом. Живет он укладом, который имеет много общего с древним Израилем. Он не знает частной собственности, как не знал ее Израиль. <...> И наше отечество не знало частной собственности абсолютной, а все владели землю временно и условно. Убеждение, что *так и должно быть*, по наблюдениям Максимова, живет в сознании русского народа глубоко и прочно» (цит. по: [18, с. 13]). По русскому народному православному воззрению, земля — Божия, а не человеческая, и люди владеют ею только как даром Божиим. Община распределяла землю по справедливости — в зависимости от количества «ртов» и трудолюбия в разных семьях. Это не что иное, как библейское отношение к земле и к собственности, которое сохранялось в России на уровне массового сознания крестьян и других сословий вплоть до революции 1917 г.

Это огромный смысловой «пласт» народной жизни, связанный с воплощением в ней библейских заповедей и принципов жизни, до сих пор остается мало понятным, даже несмотря на то, что он был очень ярко отражен в русской классической литературе. Например, В. И. Даль в одном из своих очерков из народной жизни вложил в уста одной из героинь свои собственные размышления о нравственном содержании жизни народа. Он писал: «Не перемена места нужна для счастья нашего, а перемена состояния души нашей, и постылое станет милым, и человек, сам не ведая как, послышит себя духом в Небесном Царстве. Много искажения внедрилось в человечестве, но кой-где и кой-когда, в укромной тиши, впотьмах, просвечивают искры света и тепла, и повсюду Божеское Провиденье, не покинувшее доселе народа своего, отвечающее на безумие премудростью» [19, с. 330]. «Перемена состояния души нашей» — это и есть главный императив христианской культуры, усвоенной русским народом. Императив духовного преображения один для всех и не зависит от социального положения.

В. И. Даль создал яркую и систематическую картину русской народной психологии, в которой отражаются самые глубокие нравственные законы и смыслы. Они были сформированы двумя главными факторами: православной верой и историческим опытом народа. Эти факторы были взаимозависимы: с одной стороны, именно православие определило ту нравственную высоту, которая позволила народу вынести все тяжелые исторические испытания и создать великое государство и великую культуру; с другой — именно эти испытания и укрепляли народ в православной вере, давали нравственную силу.

В содержательном отношении главные компоненты народной психологии — чувство безусловного долга и ответственности перед Богом и перед царем как главой православного народа, отвечающим за него перед Богом. В свою очередь, это определяло главный принцип понимания народом самой земной жизни как радости и аскезы одновременно. Радость и аскеза взаимообусловлены, поскольку радость порождается именно самим жизненным подвигом и верностью своей судьбе. В критические же моменты жизни человек проходит через «символическую смерть», которая его глубоко обновляет и преображает. Это преображение души в соответствии с идеалом, данным в Евангелии, и составляет высший смысл народной жизни.

Анализ христианизации народного сознания и общественной жизни в русской традиционной культуре на материале публицистического наследия классиков русской литературы показывает, что классики выполняли роль строителей национального самосознания, выражая те черты народного сознания и жизни (социальной практики), которые начали изучаться наукой только в наше время,

а ранее оставались фактически скрытыми от исследователей в силу их идеологической предубежденности (западной или антихристианской). Продолжение работы в этом направлении позволит глубже понять внутренние факторы русской истории. Но уже рассмотренные тексты позволяют сделать общий вывод о том, что совершенно неадекватно рассматривать жизнь русского народа в его традиционной культуре до начала XX в. в категориях теории «классов», «эксплуатации», «невежества» и других стереотипов, сложившихся в рамках идеологических подходов.

Заключение (Conclusion)

Жизнь русского народа в его традиционной культуре до 1917 г. в первую очередь определялась не экономическими, а нравственно-религиозными факторами и была основана на исполнении евангельских заповедей — в той мере, насколько это было возможно в рамках условий жизни. Социальная жизнь русского народа до 1917 г. во всех ее измерениях (семейной, экономической и государственной) фактически была частью религиозной жизни, поэтому должна оцениваться в первую очередь с этой точки зрения. И с этой точки зрения, благодаря приведенным наблюдениям и обобщениям классиков русской литературы, можно сделать вывод о высокой степени христианизации жизни русского народа в рамках его традиционной культуры. Эта жизнь была в первую очередь аскезой, направленной на спасение души и воспитание новых поколений в рамках христианской нравственности. В этом отношении русская традиционная культура достигла больших высот и была примером для других христианских народов.

Библиографический список

1. Пушкин А. С. Заметки по русской истории XVIII в. // Полн. собр. соч. : в 10 т. Л. : Наука, 1978. Т. 8. С. 89–93.
2. Громыко М. М., Буганов А. В. О воззрениях русского народа. М. : Паломник, 2000. 541 с.
3. Лосский Н. О. Характер русского народа. Франкфурт-на-Майне : Посев, 1957. 152 с.
4. Пушкин А. С. Путешествие из Москвы в Петербург (Из ранних редакций) // Полн. собр. соч. : в 10 т. 4-е изд. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. Т. 7. С. 429–457.
5. Когулько Ж. Права крепостных в Российской империи // Русский день : [сайт]. 2017. 5 нояб. URL: https://www.rusday.com/articles_new/2017-11-05/7637/ (дата обращения: 14.03.2023).
6. Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем : в 15 т. Т. 5 : Кому на Руси жить хорошо. Л. : Наука, 1982. 687 с.
7. Боборыкин П. Д. Воспоминания : в 2 т. Т. 1 : За полвека (главы I–VIII). М. : Художественная литература, 1965. 672 с.
8. Архимандрит Константин (Зайцев). Чудо русской истории. М. : Форум, 2000. 864 с.
9. Архиепископ Серафим (Соболев). Русская идеология. М. : Лествица, 2000. 430 с.
10. Альберт Пигий. Новая Московия // Русский Сборник: Исследования по истории России: архивные находки и источниковедение. М. : Модест Колеров, 2021. Т. XXX. С. 7–149.
11. Воспоминания декабриста Александра Петровича Беляева // Своей судьбой гордились мы: Декабристы в Сибири / сост. М. Сергеев. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1973. С. 111–142.
12. Громыко М. М. О единстве православия и Церкви в народной жизни русских // Традиции и современность. 2002. № 1. С. 3–31.
13. Флоренский П. А., свящ. Записка о Православии // Соч. : в 4 т. М. : Мысль, 1996. Т. 2. С. 537–546.
14. Листова Т. А. Мир святости в религиозном народном понимании // Святые и святость в жизни русского народа: этнографическое исследование / сост. О. В. Кириченко. М. : Наука, 2010. С. 285–337.
15. Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М. : Моск. ин-т развития образоват. систем, 1998. 448 с.
16. Кожин В. В. Россия как уникальная цивилизация и культура // Кожин В. В. Победы и беды России. М. : ЭКСМО-Пресс, 2002. С. 11–27.
17. Бердяев Н. А. Судьба России. М. : Философское общество СССР, 1990. 240 с.

18. Фомин С. Джорданвилльский отшельник // Архимандрит Константин (Зайцев). Чудо русской истории. М. : Форум, 2000. С. 3–28.

19. Даль В. И. Архистратиг : сб. рассказов. М. : Изд-во Срет. монастыря, 2012. 464 с.

References

Al'bert Pigii (2021) *Novaya Moskoviya [New Muscovy]*. Russkii Sbornik: Issledovaniya po istorii Rossii: arkhivnye nakhodki i istochnikovedenie [Russian Collection: Studies in the History of Russia: Archival Finds and Source Studies]**. Moscow, Modest Kolerov Publ., vol. XXX, pp. 7–149. (in Russian)

Archiepiskop Serafim (Sobolev) (2000) *Russkaya ideologiya [Russian Ideology]**. Moscow, Lestvitsa Publ., 430 p. (in Russian)

Arkhimandrit Konstantin (Zaitsev) (2000) *Chudo russkoi istorii [The Miracle of Russian History]**. Moscow, Forum Publ., 864 p. (in Russian)

Berdyaev N. A. (1990) *Sud'ba Rossii [The Fate of Russia]**. Moscow, Filosofskoe obshchestvo USSR Publ., 240 p. (in Russian)

Boborykin P. D. (1965) *Vospominaniya [Memoirs]*. Vol. 1. Za polveka (glavy I–VIII) [For Half a Century (Chapters I–VIII)]**. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 672 p. (in Russian)

Dal' V. I. (2012) *Arkhistratig [Archistratigus]**. Moscow, Sretenskii monastyr' Publ., 464 p. (in Russian)

Florenskii P. A. (1996) *Zapiska o Pravoslavii [Note on Orthodoxy]*, Collected Works*. Moscow, Mysl' Publ., vol. 2, pp. 537–546. (in Russian)

Fomin S. (2000) *Dzhordanvill'skii otshel'nik [Jordanville Hermit]*, Arkhimandrit Konstantin (Zaitsev). Chudo russkoi istorii [Arhimandrite Konstantin (Zaitsev). The Miracle of Russian History]**. Moscow, Forum Publ., pp. 3–28. (in Russian)

Gromyko M. M. (2002) *O edinstve pravoslaviya i Tserkvi v narodnoi zhizni russkikh [On the Unity of Orthodoxy and the Church in the People's Life of Russians]*, Traditsii i sovremennost' [Traditions and Modernity]**, no. 1, pp. 3–31. (in Russian)

Gromyko M. M., Buganov A. V. (2000) *O vozzreniyakh russkogo naroda [About the Views of the Russian People]**. Moscow, Palomnik Publ., 541 p. (in Russian)

Kogul'ko Zh. (2017) *Prava krepostnykh v Rossiiskoi imperii [The Rights of Serfs in the Russian Empire]*, Russkii den' [Rusday]*, November 5. Available at: https://www.rusday.com/articles_new/2017-11-05/7637/ (accessed: 14.03.2023). (in Russian)

Kozhinov V. V. (2002) *Rossiya kak unikal'naya tsivilizatsiya i kul'tura [Russia as a Unique Civilization and Culture]*, Pobedy i bedy Rossii [Victories and Troubles of Russia]**. Moscow, EhKSMO-Press Publ., pp. 11–27. (in Russian)

Listova T. A. (2010) *Mir svyatosti v religioznom narodnom ponimanii [The World of Holiness in the Religious Popular Understanding]*, Kirichenko O. V. (ed.) Svyatyni i svyatost' v zhizni russkogo naroda: etnograficheskoe issledovanie [Shrines and Holiness in the Life of the Russian People: An Ethnographic Study]**. Moscow, Nauka Publ., pp. 285–337. (in Russian)

Losskii N. O. (1957) *Kharakter russkogo naroda [The Character of the Russian People]**. Frankfurt am Main, Posev Publ., 152 p. (in Russian)

Nekrasov N. A. (1982) *Complete Works and Letters. Vol. 5. Komu na Rusi zhit' khorosho? [Who is Happy in Russia?]*. Leningrad, Nauka Publ., 687 p. (in Russian)

Pushkin A. S. (1978) *Puteshestvie iz Moskvy v Peterburg (Iz rannikh redaktsii) [Journey from Moscow to Saint Petersburg (From Early Editions)]**, *Complete Works*. 4th ed. Leningrad, Nauka. Leningradskoe otdelenie Publ., vol. 7, pp. 429–457. (in Russian)

Pushkin A. S. (1978) *Zametki po russkoi istorii XVIII veka [Notes on Russian History of the 18th Century]*, Complete Works*. Leningrad, Nauka Publ., vol. 8, pp. 89–93. (in Russian)

Sergeev M. (ed.) (1973) *Vospominaniya dekabrista Aleksandra Petrovicha Belyaeva [Memoirs of the Decembrist Alexander Petrovich Belyaev]*, Svoei sud'boi gordilis' my: Dekabristy v Sibiri [We Were Proud of Our Fate: Decembrists in Siberia]**. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., pp. 111–142. (in Russian)

Yurganov A. L. (1998) *Kategorii russkoi srednevekovoi kul'tury [Categories of Russian Medieval Culture]**. Moscow, Moskovskii institut razvitiya obrazovatel'nykh sistem Publ., 448 p. (in Russian)

* Перевод названий источников выполнен автором статьи / Translated by the author of the article.